

УДК 800:159.9

**МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
РЕФЛЕКСИРУЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЫДЕННОГО И НАУЧНОГО СОЗНАНИЯ**

Н.О. Золотова

*Доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой теории языка и перевода
e-mail: saporovskaya@mail.ru*

Тверской государственный госуниверситет

В статье обсуждаются природа и свойства рефлексивных процессов, протекающих в рамках научного мышления и сфере обыденного сознания.

Специальное внимание уделяется рассмотрению особенностей протекания метаязыковой деятельности, связанных с типом рефлексии, осуществляемой индивидом с опорой на разный с точки зрения лингвистической подготовки опыт.

***Ключевые слова:** метаязык, рефлексия, научное сознание, обыденное сознание, «наивный» носитель языка, «подготовленный» носитель языка.*

В концепции П. Тейяр де Шардена рефлексия занимает важное место и рассматривается в качестве центрального феномена человека, необходимого для окончательного решения вопроса о его «превосходстве» над животным [Тейяр де Шарден 2002: 274]. С точки зрения автора, рефлексия является приобретенной сознанием способностью не просто познавать, а познавать самого себя, не просто знать, а знать, что знаешь. «Разумеется, животное знает, – уверенно констатирует П. Тейяр де Шарден, – но, безусловно, оно не знает о своем знании» [там же: 275]. Развивая мысль о качественном отличии психики рефлектирующего человека от психики существ, появившихся до него, П. Тейяр де Шарден формулирует суть инаковости человека по сравнению с животным: «Мы не простое изменение степени, а изменение природы как результат изменения состояния» [там же]. Другими словами, «человеческий индивид» в терминах Тейяра де Шардена становится полностью самим собой лишь на «ступени рефлексии» и именно в этой точке «резюмируется и уясняется вся кривая биогенеза» [там же: 373].

В отечественной психологии основы изучения рефлексии заложены в трудах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна. Ученые рассматривают рефлексию как объяснительный принцип развития самосознания и психики в целом. Понятийно, процессуально и функционально рефлексия связана с самонаблюдением, интроспекцией, ретроспекцией, самосознанием, метакогницией и изучается в генетическом, когнитивном, личностном и коммуникативном аспектах.

Феномен рефлексии связан также со способностью к «особой форме умственной деятельности – толкованию явлений», на что в свое время специально обращал внимание И.М. Сеченов [Сеченов 2001: 299]. «Ум как истолкователь фактов», по выражению ученого, является важным ресурсом интеллектуального роста человека и исследуется в современной психологии в русле изучения интеллектуальной рефлексии и с точки зрения особенностей формирования метакогнитивных механизмов интеллектуальной саморегуляции.

В настоящее время отчетливо осознается тот факт, что наряду с традиционно изучавшимися процессами переработки информации (такими, как восприятие, память, мышление) существуют метакогнитивные процессы, отвечающие за управление ходом текущей интеллектуальной деятельности. Введение в научный обиход термина «метакогниция» приписывается американскому специалисту в области возрастной психологии Дж. Флейвеллу, в понимании которого метакогниция (*metacognition*) представляет собой познание о познании [Flavell 1976: 37] и выражается в осознании индивидом своих собственных когнитивных процессов и их продуктов [Flavell 1976: 232]. В отечественной науке специальное внимание изучению особенностей организации метакогнитивного опыта и роли интеллектуальной рефлексии в системе интеллектуальной деятельности уделяется М.А. Холодной [Холодная 2002].

Проблема метакогниции тесно связана и с проблемой метаязыкового сознания, прежде всего его обыденной формы, которая широко обсуждается в современной лингвистике, психолингвистике, психосемантике, психологии личности, социальной психологии, психологии культуры. На необходимость изучения картины мира «наивного», обыденного сознания и стоящей за ней индивидуальной системы значений, включающей наряду с позитивным знанием также и заблуждения, артефакты, иллюзии житейского опыта, обращает внимание В.Ф. Петренко [Петренко 1997: 38]. Важным представляется мнение автора о том, что рефлексия, выделение средств познания, используемых субъектом, необходимы не только в рамках научного мышления и концептуальных построений, но и в сфере житейского, обыденного сознания [там же].

Акцент на изучении «ненаучных» представлений «обычных» людей о таких фундаментальных понятиях, как язык, культура, мышление, жизнь, смерть и т.п. обусловлен интересом к природе знания, в том числе языкового. Сложность анализа метаязыковой деятельности «наивных» пользователей языком связана с зыбкостью границ между «профессионалом» и «непрофессионалом»: и тот, и другой являются действующими языковыми субъектами, носителями одного языка и культуры. В то же время «рядовой» носитель языка и его языковое

поведение представляют собой не что иное, как объект исследования лингвиста-профессионала. Подобная ситуация характерна для всего гуманитарного знания и связана с так называемым «парадоксом границы» (термин Лопе Гарсиа): «человек является и субъектом, и объектом в сфере гуманитарных исследований, граница между ними лишь функциональна и возникает в процессе деятельности, метакогнитивной по своей сути» [9: 7]. Следствием означенного парадокса является тот факт, что, рефлексия речевых выражений осуществляется посредством метаязыковых структур, в роли которых выступают единицы языка, с помощью которых эти выражения осуществляются. Таким образом, с одной стороны, предметом изучения становится естественный человеческий язык, а с другой, – именно он выступает в качестве инструмента исследования, «превращая, таким образом, познавательные процессы в метапознавательные» [Кубрякова: 24].

Метаязыковое сознание становится предметом лингвистического анализа и сводится к изучению «форм активной рефлексии», отраженной в обыденном сознании индивида и представленной в достаточно широком диапазоне: от спонтанных высказываний о языке и его элементах, отношениях, свойствах и т.п. до достаточно объемного, иногда и глубокого теоретизирования по этому поводу (хотя нередко с различными уклонами в сторону мифологического мышления) [Голев 2008: 7].

Кроме устоявшегося обозначения обсуждаемого феномена – «метаязыковое сознание» – в литературе можно наблюдать формальное варьирование термина при идентичном его наполнении. Например, по некоторым наблюдениям [Сеченов 2001: 48] к вариативному ряду можно отнести такие обозначения, как «языковое самосознание» (Никитина С.Е.), «металингвистическая рефлексия» (Петухова И.А., Шишкина В.Ю.), «аттитюды говорящих к языку» (Вингерден М.). Добавим сюда то, что Ю.Д. Апресян называл «метаязыковой практикой говорящих», моделирование которой с помощью свободных дескрипций (свободных перефразов) допускается при объяснении значений слов, в то время как собственно толкование лексемы, по выражению автора, моделирует еще и научно-лингвистическое знание языка [Апресян 1997].

Особое место в ряду исследований метаязыкового сознания занимают дети, рефлектирующие по поводу языковых явлений. Высказывания ребенка, содержащие размышления о языке и речи, попадают в число наиболее обсуждаемых проблем в онтолингвистике или собственно психоллингвистике, в частности психоллингвистических исследованиях онтогенеза. Интеллектуальное развитие ребенка происходит вместе с процессом усвоения языка, которым ребенок овладевает в целом к трехлетнему возрасту. В это же время формируются первые метаязыковые навыки, проявляющиеся в размышлении над языковыми фактами, что часто отражается в детском словотворчестве. В

свое время К.И. Чуковскому удалось привлечь внимание соотечественников к этому удивительному феномену благодаря опубликованной книге «От двух до пяти», претерпевшей несколько изданий. Проблема метаязыка занимает важное место и в психолингвистических исследованиях, связанных с вопросами овладения родным и вторым (иностраным) языком. С психолингвистической точки зрения метаязык, которым пользуется человек в речемыслительной деятельности, рассматривается как особый механизм, роль которого в становлении и функционировании «живого» человеческого языка акцентировалась Н.И. Жинкиным. По мнению ученого, живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний. Это достигается благодаря особому механизму – механизму метаязыка, «который работает как пульс, в каждом языковом акте» [Жинкин 1998: 148].

Развитие языковой способности ребенка ставится Р.О. Якобсоном в зависимость от его «способности вырабатывать в себе метаязык, то есть сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке» [Якобсон 1985: 116]. Другими словами, ребенок, осваивая язык, прибегает к метаязыковой и метакогнитивной деятельности, при этом происходит переживание понятого, которое фиксируется в специфических мозговых кодах, но не всегда доступно для вербализации. Полученные при этом продукты носят *функциональный* характер, связаны со знаниями процедурного типа и выполняют роль деятельностных ориентиров в процессах говорения и понимания речи ребенком, который вырабатывает их «для себя», в своих индивидуальных кодах и использует на разных уровнях осознанности. Эти свойства функциональных ориентиров оказываются удобными и эффективными для пользующегося ими индивида, но, в то же время, трудно соотносимыми с вербальными формулировками прескриптивных правил и с лингвистическими терминами при школьном обучении родному языку, поскольку последние связаны со знанием качественно иного – декларативного типа. Взрослый человек, успешно окончивший школу и не являющийся лингвистом, продолжает пользоваться не столько заученными правилами, сколько функциональными ориентирами разных видов, успешно справляясь со многими проблемами взаимопонимания при общении, но испытывая трудности, когда требуется установить или объяснить, как и почему правильно говорить и писать нужно так, а не иначе (см. подробно об этом: [Залевская 1991]).

В процессе метакоммуникации особое значение приобретает метатекст, среди функций которого выделяют комментирование, объяснение, констатирование, оценивание коммуникативных сообщений, подтверждение, исправление, организацию и регулирование

содержательного, формального и качественного аспектов общения [Захарова 2014]

Специальный интерес представляют собственно средства рефлексии, с помощью которых можно описывать языковые феномены разного уровня. Не останавливаясь здесь на рассмотрении историко-философских корней программы описания любого содержания через ограниченный набор элементов человеческой мысли, обратимся к идее Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева об опосредованности высших психических процессов восприятия, памяти, мышления и т.п.) системой значений. Опосредование (опосредствование, медиативность) как качество психической реальности означает включенность всех психических актов в культурный контекст жизни и деятельности индивида. На теорию опосредования в развитии высших психических функций и – более широко – в развитии человека опираются современные исследования в области психологи развития, психологического диагностирования, психологической педагогики, теории овладения языком, психолингвистики и других областей знания, связанных с изучением становления и функционирования языка человека.

Развитие идеи опосредования в трактовке В.Ф. Петренко выглядит следующим образом: «Являясь средством описания действительности, сами значения (понятия) могут не осознаваться как таковые. Для осознания значения необходимо выражение его в системе других значений» [Петренко 1997: 37].

Медиативная роль слова проявляется в феномене разъяснения одних слов через другие, что можно наблюдать в экспериментальных ситуациях и ситуациях коммуникативных затруднений, когда «рядовые» носители языка и культуры пытаются разъяснить «для себя» или «для другого» незнакомые или плохо знакомые слова. Слова, используемые в функции метаязыка, представляют особый интерес для изучения их в контексте психолингвистической концепции ядра ментального лексикона. Представляется, что ведущее место в наборе функциональных ориентиров (опор) пользователя языком занимают единицы ядра ментального лексикона как первично усвоенные, обладающие рядом специфических характеристик и связанные с процедурным знанием [Золотова 2005]. Очевидно, этого достаточно для установления факта понимания (и взаимопонимания при общении).

Добавим, что метаязыковая деятельность «рядового» носителя языка в норме протекает в скрытых как от исследователя, так и от самого человека формах и эксплицируется в ситуациях затруднений при общении или экспериментальных ситуациях, когда возможно обнаружить вербальные «следы» рефлексивных актов испытуемых.

С точки зрения Г.И. Богина, такого рода рефлексия относится к обыденному типу и рассматривается автором как «дефектная», поскольку последствия такой рефлексии осознаются («Я понял и знаю об этом», «Я

решил и знаю об этом, «Я теперь знаю о своем незнании», «Я возненавидел это и теперь знаю о своем новом чувстве»), но процесс остается «неосознаваемым», т.е. не подотчетным субъекту действия [Богин 1990: 5]. Этот тип рефлексии связывается автором с так называемым «пониманием без понимания» в ситуациях, когда «незачем понимать, когда и так понятно», т.е. в ситуациях, требующих нерелективного смыслового восприятия автоматизмов разговорной речи [там же]. Таким ситуациям противопоставляются ситуации, понимание которых достигается на основе «ученой» рефлексии, которая ставится выше «неученой», обыденной.

Полагаем, что оценочный характер названных типов рефлексии носит условный характер и не может препятствовать их изучению. «Ценность» того или иного типа рефлексии соотносится с точкой зрения на суть процесса понимания и условий его протекания. Вслед за А.А. Залевской [Залевская 2001] обратим внимание на принципиальность четкого разграничения двух позиций, с которых можно обсуждать, например, те или иные аспекты понимания текста, а именно: позицию воспринимающего текст наивного читателя и позицию профессионала/исследователя, работающего с текстом. Соотношение уровней понимания и рефлексивных процедур можно наблюдать при работе с текстом в условиях спонтанного понимания «наивным» читателем и в ситуации целенаправленного анализа «объективных» смыслов «подготовленным» читателем.

Характер процессов, имеющих место в первом и втором случаях подробно описан в цитируемой работе [Залевская 2001]. В первом случае речь идет о *спонтанных* процессах понимания текста «рядовым» носителем языка и культуры, при которых он осуществляет *первичную интерпретацию* воспринимаемого при слиянии значений и смысла, разграничение которых через *первичную рефлексию* может оказаться актуальным в случаях затруднений или расхождений между ожидаемым и извлекаемым из текста. В отличие от этого во втором случае исследователь *целенаправленно* анализирует и интерпретирует вербализованные продукты понимания текста в русле определенного научного подхода и строит логичное и обоснованное вербальное описание того, что, по его мнению, делает носитель языка. Здесь осуществляется *вторичная интерпретация уже понятого* с опорой на *вторичную рефлексию* [Залевская 2001: 154].

Уместно привести здесь мнение М.В. Холодной по поводу интеллектуальной рефлексии, роль которой в системе интеллектуальной деятельности автор считает парадоксальной: с одной стороны, способность к рефлексии позволяет человеку правильно оценивать ситуацию и принимать решения. С другой стороны, известно, чем закончилась попытка сороконожки отрефлексировать закономерности собственной

ходьбы – полной неспособностью передвигаться [Холодная 2002: 133 – 134]. Автор ссылается на мнения некоторых исследователей, которые отмечают тот факт, что интеллектуально одаренные люди, как правило, нерелексивны в своей актуальной интеллектуальной деятельности. Данное обстоятельство, на взгляд М.В. Холодной, отнюдь не противоречит предположению об их развитых метакогнитивных способностях. Ибо, как можно предположить, именно наличие сформированности метакогнитивных механизмов позволяет им быть в своих интеллектуальных контактах с действительностью, по выражению Р. Глезера, скорее «блестящими опознавателями», нежели «глубокими мыслителями» [там же: 134].

На наш взгляд, первичная рефлексия наивного читателя/носителя языка независимо от своей «дефектности», по сравнению с рефлексией ученого, пользующегося «арсеналом искусственных средств анализа» (И.М. Сеченов) представляет несомненный интерес для психолингвистики, в задачи которой входит изучение «человеческого измерения языка и речи» (В.П. Белянин).

Таким образом, метаязыковая и метакогнитивная деятельность рефлексирующего человека осуществляется на разных уровнях осознанности по поводу фиксируемой ситуации (слово, высказывание, текст) в зависимости от условий и целей интеллектуальной деятельности, а также наличия/отсутствия профессионального опыта индивида.

В связи с этим предлагается выделять следующие формы протекания метакогнитивных процессов и связанной с ними метаязыковой деятельности: *первичную рефлексия* (во время усвоения родного языка в раннем детстве, при разъяснении значений слов рядовым носителем языка в экспериментальной ситуации или при столкновении с теми или иными трудностями опознания слова в спонтанной коммуникации); *активную рефлексия* (размышления «обычного» человека о сути таких феноменов, как «язык», «жизнь», «смерть» и т.п., выбор стратегий собственного обучения, оценка своих индивидуальных интеллектуальных качеств и т.п.); *профессиональную (вторичную) рефлексия* (например, поиск «объективного» инварианта понимания текста в русле определенного научного подхода, осуществляемого лингвистически компетентным индивидом).

Материалы ассоциативных экспериментов дают основание утверждать, что метаязыковая деятельность «обычного» человека, соотносимая с первичной или базовой рефлексией в отличие от метаязыковой деятельности лингвиста-исследователя, имеющего дело с вербализованными продуктами понимания, является условием естественной (спонтанной) работы речемыслительных механизмов, обеспечивающих автоматизм оперирования языком. Таким образом, свойство релексивности является одним из признаков, определяющих

природу человеческого языка и сознания, и делает возможным понимание себя и другого.

Библиографический список

Апресян Ю.Д. Предисловие [Текст] / Ю.Д. Апресян // Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 5–7.

Богин Г.И. Обыденная рефлексия как норматив акта понимания произведения речи [Текст] / Г.И. Богин // Нормы человеческого общения: Тезисы докладов межвузовской научной конференции. Горький: ГГПИИЯ им. Н.А. Добролюбова, 1990. С. 4–6.

Голев Н.Д. Орфографоцентризм как презумпция русского обыденного метаязыкового сознания [Текст] / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Сб. науч. труд. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 19–28.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / Н.И. Жинкин // Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. С. 146–162.

Залевская А.А. Вопросы теории обучения иностранным языкам [Текст] / А.А. Залевская. Тверь: Твер.гос. ун-т, 1991. 48 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография [Текст] / А.А. Залевская. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.

Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. /Н.В. Захарова; Тверской гос. университет. 2014. 15 с.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: монография [Текст] / Н.О. Золотова Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.

Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты [Текст] / В.Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Воронежский гос. тех. ун-т, 2002. С. 4–34.

Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в языке [Текст] / Е. С. Кубрякова // Исследование познавательных процессов в языке. Серия «Когнитивные исследования языка» 2009. Вып. 5. С. 22–29.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики [Текст] / В.Ф. Петренко. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1997. 400 с.

Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения [Текст] / А.Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание и

наивная лингвистика: Сб. науч. труд. Кемерово – Барнаул: Кемер. гос. ун-т, 2008. С. 45–53.

Сеченов И.М. Элементы мысли [Текст] / И.М. Сеченов // Элементы мысли. СПб: Питер, 2001. С. 209–355.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе: Пер. с фр. / П. Тейяр де Шарден. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 553 с.

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования [Текст] / М.А. Холодная. 2-е изд. перераб. и доп. СПб: Питер, 2002. 272 с.

Якобсон Р.О. Речевая коммуникация [Текст] / Р.О. Якобсон // Избранные работы / под. ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

Flavell J.H. Cognitive monitoring / J. H. Flavell // Children's oral communication skills / [ed. W. P. Dickson]. New York, 1981. pp. 35–60.

Flavell J.H. Metacognitive aspects of problem solving / J. H. Flavell // The nature of intelligence / [ed. L. B. Resnick]. Hillsdale, 1976. Ch. 12. pp. 231–236.